

Невозможно узнать, какая бы жизнь ждала эту девочку. Кем бы она стала. Какую профессию выбрала бы, кого бы любила, кого бы потеряла, чего бы добилась. Родились бы у нее дети и кем они стали бы. Невозможно даже представить, как она выглядела бы во взрослом возрасте. В четыре года основные черты лишь намечаются. Глаза ее были голубовато-синими; волосы, при рождении казавшиеся темными, теперь посветлели, однако в них угадывалось присутствие рыжего, так что цвет их снова мог измениться. Сейчас его было особенно трудно определить. Она лежала лицом на песчаном дне озера. Затылок был покрыт толстым слоем спекшейся крови. Лишь пряди, расплывавшиеся от затылка, казались светлыми.

Нельзя сказать, чтобы вся эта сцена выглядела злое. Ничего злое не было бы, если б она не лежала в воде. Из леса доносились самые обычные лесные звуки. Свет падал сквозь кроны деревьев, как всегда в это время суток. Вода тихонько покачивалась вокруг нее, и лишь иногда стрекоза садилась на ровную поверхность воды, оставляя после себя круги. Превращение уже началось, и постепенно ее тело сольется с водой и лесом. Если никто не обнаружит девочку, природа сделает свое и присвоит ее себе.

Пока еще никто не знает, что она пропала.

— Как ты думаешь, твоя мамочка наденет белое платье? — спросила Эрика, поворачиваясь к Патрику на широкой кровати.

— Очень смешно, — буркнул тот в ответ.

Эрика рассмеялась и ткнула его в бок.

— Почему ты так переживаешь, что твоя мама выходит замуж? У твоего папы уже много лет новая семья, и тебе это вовсе не кажется странным.

— Глупо, понимаю, — проговорил Патрик, спуская ноги с кровати и натягивая носки. — Мне нравится Гуннар, и я так рад, что мама не будет одна... — Он надел джинсы. — Наверное, мне просто немного непривычно. Сколько себя помню, мама всегда была одна — если начать анализировать, то наверняка выяснится, что это какая-то тонкость в отношениях между матерью и сыном. Мне просто кажется... странным... что у мамы... будет интимная жизнь.

— Ты хочешь сказать — странно, что они с Гуннаром занимаются сексом?

Патрик зажал уши ладонями.

— Перестань!

Эрика со смехом кинула в него подушку. Та тут же прилетела обратно, и скоро разразилась настоящая подушечная война. Патрик накинулся на Эрику, однако борьба вскоре сменилась ласками и томными вздохами. Она потянулась к пуговицам на его джинсах и начала расстегивать верхнюю.

— Что вы делаете?

Звонкий голос Майи заставил их обоих замереть и обернуться к двери. Там стояла не только Майя — с обеих сторон от нее в спальню просовывались головы близнецов, которые с любопытством разглядывали родителей в постели.

— Мы просто немножко пощекотали друг друга, — проговорил Патрик, задыхаясь, и поднялся.

— Ты должен наконец приделать крючок на дверь! — прошипела Эрика, натягивая на себя одеяло, прикрывавшее ее лишь до талии. — Сев в постели, с усилием улыбнулась детям. — Спускайтесь и начинайте завтракать, мы сейчас придем!

Патрик, успевший натянуть на себя одежду, подтолкнул детей к двери.

— Если ты не можешь сам прикрутить крючок, попроси Гуннара — он, похоже, всегда наготове с ящиком инструментов. Если только не занят другими делами с твоей мамой...

— Хватит насмехаться! — весело отозвался Патрик и убежал вслед за детьми.

С улыбкой на губах Эрика снова улеглась в постель. Ничто не мешало ей еще немного поваляться, прежде чем вставать. То, что не надо приходить на работу к определенному часу, — один из плюсов жизни фрилансера, но и один из минусов тоже. Писательский труд требует воли и самодисциплины и иногда кажется слишком уединенным. Впрочем, свою работу Эрика обожала — любила писать, вдыхая жизнь в те истории и человеческие судьбы, за которые решила взяться, копаться в прошлом, исследовать и выяснять, что же в действительности произошло и почему. То дело, которым она занималась сейчас, давно привлекало ее. Дело маленькой Стеллы, похищенной

и убитой Хеленой Перссон и Марией Валль, потрясло всех во Фьельбаке и по-прежнему никого не оставляло равнодушным.

А теперь Мария Валль вернулась. Прославленная голливудская звезда приехала во Фьельбаку для съемок фильма об Ингрид Бергман. Весь поселок гудел от слухов.

Все знали кого-то из участников этой истории или их семьи; все были одинаково потрясены в тот июльский день 1985 года, когда тело Стеллы обнаружили в озере.

Повернувшись на бок, Эрика задумалась: неужели солнце в тот день светило так же ярко, как сегодня? Когда пора будет пройти несколько метров от спальни к кабинету, она начнет с того, что проверит это. Но дела могут еще чуть-чуть подождать. Закрыв глаза, она снова задремала под звуки голосов Патрика и детей, доносившиеся из кухни на первом этаже.

* * *

Хелена наклонилась вперед, опершись о колени потными ладонями. Сегодня — личный рекорд, хотя она вышла на беговую тропу позднее чем обычно.

Море лежало перед ней, синее и спокойное, но внутри у нее бушевал шторм. Хелена потянулась, обняла себя руками, но дрожь не унималась. «Это кто-то наступил на мою могилку», — говорила в подобных случаях ее мать. Возможно, так оно отчасти и было. И не потому, что кто-то наступил на *ее* могилку. А вообще на могилку.

Время завесило пеленой то, что было, воспоминания стали расплывчатыми. Лучше всего ей помнились голоса, желавшие узнать, что именно произошло. Раз за разом повторяли они одно и то же, и в конце концов Хелена уже не понимала, где их правда, а где ее.

Тогда казалось, что вернуться сюда невозможно — здесь ей жизни не будет. Но с годами шепоты и крики становились все тише, превращались в бормотание и в конце концов совсем стихли. И стало казаться, что она снова влилась в жизнь поселка.

И вот теперь опять пойдут разговоры... Былое развооружится... И, как часто бывает в жизни, все, как назло, совпало. Несколько недель она не спала — с тех пор, как получила письмо от Эрики Фальк, в котором та рассказывала, что пишет книгу и желает встретиться с Хеленой. После этого ей пришлось обновить рецепт на таблетки, без которых она много лет обходилась. Без них она не перенесла бы следующей новости: Мария вернулась.

Прошло тридцать лет. Тихо, без лишнего шума они с Джеймсом жили своей жизнью — Хелена знала, что именно этого Джеймс и желает. «Настанет день, когда им надоест болтать», — сказал он. И оказался прав. Тяжелые моменты уныния вскоре ушли, стоило ей только наладить повседневный ритм. А воспоминания хранились где-то в потаенных уголках души. До сегодняшнего дня. В голове замелькали картины из прошлого. Лицо Марии так и стояло перед глазами. И радостная улыбка Стеллы...

Хелена устремила взгляд на море, пытаясь следить глазами за немногочисленными волнами. Однако образы прошлого не желали ее отпускать. Мария вернулась — это начало конца...

* * *

— Простите, где здесь туалет?

Стюре из общины ободряюще смотрел на Карима и других участников занятий по шведскому языку в центре для беженцев в Танумсхеде.

Все повторяли за ним, кто как мог.

— Простите, где здесь туалет?

— Сколько стоит вот это? — продолжал Стюре.

Карим изо всех сил пытался сопоставить звуки, которые Стюре произносил у доски, с лежавшим перед ним текстом. Все такое непохожее... Буквы, которые предстояло выучить, звуки, которые нужно произносить...

Оглядев комнату, он увидел компанию из шести отважных. Остальные либо играли в футбол на солнышке, либо лежали в домиках. Одни спали целым днями, пытаясь убить время и отогнать воспоминания, другие без конца переписывались с друзьями и родственниками, оставшимися на родине, с которыми все еще можно было связаться, или бродили по новостным сайтам. Не то чтобы там было много полезной информации. Правительство распространяло сплошную пропаганду, а новостные агентства по всем миру не могли послать туда корреспондентов. В своей прошлой жизни Карим сам был журналистом и понимал, как трудно получить верные и объективные сведения из воюющей Сирии, пребывавшей в таком плачевном состоянии.

— Спасибо, что пригласили нас в гости.

Карим фыркнул. Эта фраза ему вряд ли когда-нибудь понадобится. Первое, что он узнал, попав сюда, — что шведы очень сдержанные. Беженцы не общались ни с кем из шведов — помимо Стюре и других людей, работавших в центре.

Казалось, они попали в крошечное государство в государстве, изолированное от остального мира. Друг для друга они стали просто компанией, попутчиками. Их объединяли лишь воспоминания о Сирии. Хорошие, но в первую очередь плохие. То, что многим на родине приходилось переживать снова и снова. Сам Карим пытался вытеснить

все это из сознания. Войну, ставшую повседневностью. Долгий путь в удивительную страну на севере.

Он выжил. Как и его любимая Амина, а также их бесценные бриллианты — Хассан и Самия. Все остальное не имело значения. Ему удалось увезти их в спокойное место, дать им надежду на будущее. Порой в странных снах ему мерещились трупы, плывущие по воде, но стоило ему открыть глаза, как они исчезали. Он и его семья здесь. В Швеции. Это самое главное.

— Как сказать, когда с кем-то секс?

Аднан засмеялся своим словам. Он и Халил были самыми младшими в группе. Сидя рядом, они подзуживали друг друга.

— Проявляйте уважение, — сказал Карим по-арабски и строго посмотрел на них.

И с виноватым видом пожал плечами, глядя на Стюре, который легко кивнул в ответ.

Халил и Аднан приехали сюда одни — без семьи, без друзей. Им удалось выбраться из Алеппо, прежде чем это стало опасно. Бежать или оставаться — и то и другое таило в себе смертельную опасность.

Карим не мог на них сердиться, несмотря на их явную дерзость. Они всего лишь дети. Одинокие, напуганные дети, попавшие в чужую страну. Внешняя крутизна — единственное, что у них осталось. Здесь им все чуждо. Карим немного побеседовал с ними после занятий. Их семьи собрали всё до последней монеты, чтобы дать им возможность уехать. Многое было возложено на плечи этих мальчиков. Их не только забросили в чужой мир — от них ожидалось, что они как можно скорее наладят там жизнь и спасут свои семьи от войны. Но, хотя он и понимал их, проявлять неуважение к своей новой стране было недопустимо. Как бы шведы ни боялись чужаков,

их все же пустили и приняли. Им дали крышу над головой и еду. А Стюре и вовсе приходил сюда в свободное время, чтобы научить их спрашивать, что сколько стоит и где находится туалет. Не то чтобы Карим понимал шведов, однако испытывал большую благодарность к ним за то, что они сделали для его семьи. Не все разделяли эту точку зрения — те, кто без уважения относился к новой стране, портили жизнь всем, заставляя шведов относиться к беженцам с подозрением.

— Какая сегодня отличная погода, — отчетливо произнес Стюре у доски.

— Какая сегодня отличная погода, — повторил Карим и улыбнулся ему.

После двух месяцев в Швеции он начал понимать, почему шведы так радуются каждый раз, когда светит солнце. «Черт, ну и мерзкая погода!» — это была одна из первых фраз, которые он выучил по-шведски. Хотя не все звуки у него получались правильно.

* * *

— Как ты думаешь, много ли в этом возрасте занимаются сексом? — спросила Эрика, отхлебнув игристого.

Анна расхохоталась так, что остальные посетители кафе «Брюгган» уставились на них.

— Нет, честно, сестренка, — ты целыми днями размышляешь над этой проблемой? Сколько трахается мать Патрика?

— Да, но я подхожу к этому вопросу с несколько иной позиции, — ответила Эрика и взяла еще ложечку жаркого из креветок и раков. — Сколько лет полноценной сексуальной жизни нам еще осталось? Или на каком-то этапе интерес ослабевает? Неужели половое влечение сменя-

ется неудержимым желанием решать кроссворды и sudoku, заедая все это шоколадными конфетами, — или все же остается неизменным?

— Послушай...

Анна потрясла головой и откинулась на стуле, пытаясь найти удобное положение. У Эрики все сжалось внутри, когда она взглянула на сестру. Не так давно они побывали в ужасной аварии, в результате которой Анна потеряла своего неродившегося ребенка. Шрамы на лице останутся навсегда. Но теперь она скоро должна родить дитя любви от Дана. Жизнь иногда преподносит такие сюрпризы...

— Как ты думаешь, вот например...

— Если ты собираешься сказать «мама и папа», то я немедленно встаю и ухожу, — заявила Анна, выставив вперед ладонь. — Об этом я даже думать не хочу.

Эрика ухмыльнулась.

— Хорошо, не будем брать в пример маму и папу, но как часто, по твоему мнению, занимаются сексом Кристина и ее Боб-строитель?¹

— Эрика! — Анна закрыла лицо руками и снова покачала головой. — И прекратите называть бедного Гуннара Бобом-строителем только за то, что он добрый и умелый.

— Хорошо, тогда давай поговорим о свадьбе. Тебя тоже пригласили в качестве советчицы при выборе подвенечного платья? Не может быть, чтобы только мне пришлось делать хорошую мину, когда она будет демонстрировать одно жуткое старомодное платье за другим.

— Нет, меня она тоже пригласила, — ответила Анна, пытаясь податься вперед, чтобы дотянуться до своего бутерброда с креветками.

---

¹ Боб-строитель — персонаж известного детского мультсериала.

— Ты лучше положи бутерброд прямо на живот, — предложила Эрика с улыбкой, так что Анна кинула на нее сердитый взгляд.

Как бы Дан и Анна ни мечтали об этом младенце, беременность в разгар жаркого лета доставляла мало удовольствия — а живот у Анны был буквально гигантский.

— Так неужели мы не можем ни на что повлиять? У Кристины отличная фигура, талия у нее тоньше, а грудь красивее, чем у меня, — просто она никогда не решается это подчеркнуть. Подумай только, как прекрасно она смотрелась бы в узком кружевном платье с глубоким вырезом!

— Не втягивай меня в это дело, если ты планируешь предложить Кристине смену имиджа. Я скажу, что она прекрасно выглядит, что бы она мне ни показала.

— Трусиха.

— Занимайся своей свекровью сама, а я займусь своей. — Анна с наслаждением откусила от своего бутерброда.

— Да уж, Эстер такая злобная свекруха, — усмехнулась Эрика, представив себе добрейшую маму Дана, которая никогда и никому не сказала бы обидного слова. Об этом ей было известно на собственном опыте — с тех давних пор, когда сама она встречалась с Даном.

— Да уж, ты права, мне с ней ужасно повезло, — проговорила Анна и тут же выругалась, уронив бутерброд с креветками на живот.

— Да ты не расстраивайся, никто не обратит внимания на твой живот, когда у тебя такие огромные базуки, — произнесла Эрика, показывая на грудь Анны шестого размера.

— Заткнись!